

УДК 17.01; 17.025; 179.9

Л. Р. Асханова

Российский государственный гуманитарный университет

МОДЕРНИЗАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗА МОРАЛЬНОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В ЭТИКЕ ДОБРОДЕТЕЛИ А. МАКИНТАЙРА

Рассматриваются основные идеи ведущего представителя американской политической философии и этики Аласдера Макинтайра относительно морали и долженствования, изложенные в его фундаментальной работе «После добродетели». В ситуации нескончаемых дискуссий по моральным проблемам и хаосу в ценностно-нормативной сфере философ предлагает обратиться к аристотелевской традиции добродетелей с ее телеологическим основанием морали, где центральными являются понятия блага, добродетели, долга и предназначения. Не будучи сторонником абстрактного морального теоретизирования, Макинтайр настаивает на принципиальной связи между моралью и практической рациональностью через нравственную аргументацию опыта социальных практик коммюнити в проекте общего блага.

Мораль, моральное долженствование, добродетель, личностный нарратив, общее благо, социальная практика, коммунитаризм, глобальный этос, этическое образование

В своей основной работе «После добродетели» американский философ Аласдер Макинтайр предпринимает критический анализ современной философии морали и выявляет расхождения, присущие различным соперничающим этическим системам, порожденным эпохой Просвещения. Макинтайр утверждает, что эти рационально несоизмеримые, конфликтующие моральные концепции привели в итоге к нынешнему кризисному состоянию морали, при котором моральные разногласия приобретают нескончаемый и неразрешимый характер. «Язык морали – и, стало быть, до некоторой степени и практика – сегодня находится в состоянии полного беспорядка. Этот беспорядок является результатом доминирования культурной идиомы, в которой плохо отсортированные концептуальные фрагменты из различных частей нашего прошлого используются совместно в частных и публичных дебатах, примечательных главным образом неразрешенными противоречиями и произвольным выбором позиции каждой из соперничающих сторон» [1, с. 346]. Поэтому современная жизнь общества оценивается как морально бессодержательная, пронизанная скепсисом в отношении требований морали и долга.

Поскольку в сознании людей моральные предписания более не имеют долженствующей силы, теряется и реальная способность быть за что-либо ответственным. Этическая значимость поступка теперь определяется произвольными актами выбора индивида, обусловленными прежде всего его вкусовыми предпочтениями. Эту ситуацию Макинтайр характеризует как массовое распространение эмотивизма. Философ подвергает критике саму концепцию эмотивизма, утверждая, что она сводит мораль к чистой субъективности и грозит моральным хаосом. «Эмотивизм стал частью нашей культуры. Конечно, говоря это, я не просто утверждаю, что мораль представляет не то, чем она была; более важно, что то, что было когда-то

моралью, до некоторой степени исчезло вообще, и что это означает вырождение, смертельную культурную потерю» [1, с. 35]. В отсутствие какого-либо согласованного морального кодекса общество стало «собранием чуждых друг другу людей, каждый из которых преследует собственные интересы при минимальных ограничениях» [1, с. 399]. Соответственно, в отсутствие морального консенсуса такие общества регулируются лишь «множеством институциональных устроений для наложения на общество бюрократического единства» [1, с. 344]. Там нет объединяющей общественной цели, как нет и значимого чувства цели в жизни подавляющего большинства людей. При такой ситуации выносятся за скобки неудобные основополагающие вопросы, это не подлежит обсуждению. Если и задаются вопросы, то они исчерпываются в основном функциональным рядом: что значит быть хорошим менеджером, учителем, родителем...? Но пренебрегается вопрос: что значит быть хорошим человеком?

По убеждению Макинтайра, без обобщенной цели любое понятие справедливости в обществе остается запутанным и неясным так же, как и представление о добродетели, достоинстве, благе. По всей видимости, функция плюралистической социально-политической риторики, заполонившей современное культурное пространство, «состоит в сокрытии глубины наших конфликтов» [1, с. 342]. Как следствие, в этом «собрании чуждых» все выглядит поверхностным и двусмысленным. Выбор поступков становится морально-безоценочным, что в итоге делает невозможными согласованные действия и в целом снижает индивидуальную и коллективную ответственность. Философ отмечает, что побочным эффектом сосуществования несовместимых моральных систем при господствующей идеологии либерализма является социальное разобщение, приоритет индивидуального интереса, доминирование представления о жизни как о борьбе всех со всеми за блага и престиж, с «поднятием ценностей рынка до уровня главных в социальном отношении» [1, с. 345].

Макинтайр не соглашается сделать атомарного индивида, руководствующегося своим собственным эгоистическим интересом, исходным пунктом для моральной теории. Нарастание социальных проблем указывает, что этика не должна ограничиваться только нейтральными правилами. Общество – это нечто большее, чем просто собрание обособленных индивидов, связанных узлами контрактного характера. Сама мораль по существу не может нормально функционировать, если понятие общественного блага выносится за ее собственные пределы, когда исключается «любое рассмотрение человеческой коммуны, в которой понятие заслуг в решении задач коммуны по преследованию общих благ могло бы обеспечить основание для суждений относительно добродетелей и несправедливости» [1, с. 340].

Макинтайр также критически подчеркивает отсутствие осознания целостности, антиисторизм современной культуры, вытеснение идеи нарративной природы человеческой жизни. «Нарративное понимание единства человеческой жизни» [1, с. 308] характеризуется им как взаимосвязь жизненной истории с социально-культурным контекстом, как дискурсивная практика, обусловленная моральными нормами. Тем самым нарратив – одновременно и повествование, и инструмент рефлексии с набором норм-инструкций, представляющих собой обобщенный культурно-установленный канон. Личностный нарратив как способ придания смысла событиям и поступкам своей жизни, формирования идентичности становится в итоге саморепрезентацией, ибо это такая форма повествования, где пересекаются индивидуальный и социальный полюса человеческой жизни. «История моей жизни всегда воплощена в историю тех обществ, из которых я заимствую свою идентичность. Я родился с прошлым, и попытки отсечь себя от этого прошлого в стиле индивидуализма ведут к деформации моих нынешних отношений. Историче-

ская идентичность и социальная идентичность совпадают» [1, с. 298]. Нарративная целостность предстает в единстве моральной традиции при том, что рассказывая, слушая, спрашивая, люди сообщают нарратив: «... кроме того, что мое поведение объяснимо, я представляю из себя такого субъекта, который всегда просит объяснения от других, который ставит перед другими вопросы. Я есть часть их истории, как и они есть часть моей истории. Нарратив некоторой жизни есть часть множества взаимосвязанных нарративов. Больше того, эти вопросы и объяснения играют важную роль в учреждении нарратива» [1, с. 294].

Таким образом, каждого человека опережает некое сообщество в том смысле, что становление личности невозможно без более раннего укоренения в каком-то обществе, делающем возможным достижение индивидуальной идентичности. При этом несомненно, что индивид – это его собственные убеждения, именно они придают ему субстанциональность. Однако вместе с тем, так же очевидно, что эти убеждения не создаются сами по себе, они формируются дискурсивными практиками в поле моральной традиции сообщества. Подчеркивая проблему утраты концепции целостной личности, идентифицирующей себя через членство в различных социальных группах, Макинтайр напоминает: «мы все являемся носителями конкретной социальной тождественности. Я являюсь чьим-то сыном или дочерью, я чей-то двоюродный брат или дядя; я гражданин того или иного города, племени, нации... Как таковой я унаследовал это прошлое моей семьи, моего города, моего племени, моей нации, и унаследовал различные долги, оправданные ожидания и обязательства. Они составляют данность моей жизни, мою моральную точку зрения. Это именно то, что придает моей жизни свойственную ей мораль» [1, с. 297].

Макинтайр выступает за такое общество, где люди рассматривают друг друга целостными личностями, а не фрагментами, признают членами сообщества, объединенными ценностными взаимоотношениями и обязательствами, что подразумевает сочетание личных прав с социальной ответственностью друг за друга. В своей книге «Чья справедливость? Какая рациональность?» он пишет: «... трехсотлетнее господство моральной философии и социологии не выработало достаточных аргументов в обоснование либеральной индивидуалистической доктрины. В связи с этим вновь востребованной может быть аристотелевская традиция, настаивающая на связи между моральностью и рациональностью и призывающая к прозрачности и понятности наших нравственных и социальных добродетелей» [2, с. 1].

Философ обращается к идеалу античного полиса и аристотелевской концепции добродетелей, чтобы предложить альтернативный современному образ жизни, где присутствует идея общего блага как блага всех и каждого. По убеждению Макинтайра, в свете исторического контекста именно телеологическое единство аристотелевской традиции способно помочь «пережить века мрака, которые уже настигли нас» [1, с. 355], ибо «в обществе, где нет больше всеми разделяемой концепции общественного блага как блага для отдельного человека, не может больше существовать какой-либо существенной концепции того, что представляет собой большее или меньшее достижение этого блага. Отсюда понятия заслуг и чести становятся оторванными от контекста, в котором они поначалу были уместны» [1, с. 311]. По мнению Макинтайра, именно отказ от телеологического принципа при рассмотрении моральных вопросов одновременно привел к эпистемологическому тупику этической философии. Следствием «распространенного отклонения аристотелевой телеологии и целого ряда сопряженных с нею понятий» стало то, что «концепции истины и рациональности пустились в свободное плавание» [3]. Макинтайра беспокоит, что при таком моральном хаосе, в отсутствие какой-то работающей иерархии ценностей, человек остается наедине с собой при разреше-

нии нравственных противоречий и конфликтов. По убеждению философа, понятие современного человека в качестве рационального, независимого агента – миф, так как социальная среда, безусловно, оказывает влияние на его самоидентификацию и нравственные представления. Поэтому Макинтайр настаивает на необходимости признания социально-нравственных источников индивидуального самопонимания и концепции хорошей жизни.

В связи с этим он реконструирует аристотелевские концепты общины, блага и добродетели. Представление об общем благе является необходимым духовно-нравственным стержнем здорового общества, на базе чего можно определять моральные приоритеты. По мнению Макинтайра, жизнедеятельность в таких сообществах способна наделять людей сознанием полноты своего индивидуального бытия, так как без понятия общего блага, без самоидентификации с человечеством, с его общей историей и задачами жизнь становится бессмысленной. Поэтому необходимо сформулировать связную концепцию общего человеческого блага, которая должна быть развернута в терминах таких понятий, как «практика, нарративное единство человеческой жизни и моральная традиция, тогда блага, а с ними и единственные основания для авторитета законов и добродетелей, могут быть открыты только вхождением в те отношения, которые составляют сообщества, чьи центральные узлы есть общее видение и понимание благ» [1, с. 349]. Ответ на вопрос «чем же тогда оказывается человеческое благо?» Макинтайр дает в русле аристотелевской традиции, определяя его как высшую цель, являющуюся основой всех прочих целей, которым она придает окончательный смысл. Это самодавляющее состояние, эвдемония, счастье, процветание, «благосостояние человека, хорошее состояние его дел и его самого, благоприятствование человеку» [1, с. 202]. Поскольку достичь блага можно только в сообществе, так как «человек по своей природе есть общественное животное» [2, с. 9], то в этой связи понятие человеческого блага трансформируется в понятие общего блага, подразумевающая такое состояние общества, при котором могли бы удовлетворяться универсальные интересы, присущие каждому человеку. Ввиду этого понятие общественного блага целесообразно рассматривать в индуктивно-дедуктивном дуэте. Сама эта идея предполагает понимание взаимосвязи и взаимозависимости друг от друга людей и их поступков. Люди нуждаются в опыте друг друга для выяснения вопроса, что есть общее благо. Положительный опыт кристаллизуется в практиках, идеальных образцах, обобщается в обычаях и традициях. Таким образом, реализация общего блага возможна только в контексте коллективного понимания и действия. Вообще фундаментальная характеристика общего блага заключается в том, что оно всегда является результатом совместной деятельности членов общества, совместных усилий. Все граждане являются частью процесса его построения, сотрудничают друг с другом при определении общего блага и установлении моральных правил, согласно которым его можно поддерживать. То есть в практическом смысле общее благо – конвенциональное понятие.

Макинтайр, несомненно, осведомлен о современном небезосновательном взгляде, который «полагает, что разнообразие и разнородность человеческих благ таковы, что их преследование не может быть согласовано ни в каком моральном порядке и что, следовательно, любой социальный порядок, в котором делается либо попытка такого согласования, либо осуществляется гегемония одного множества благ над другим, превратится в смирительную рубашку и, очень возможно, в тоталитарную смирительную рубашку» [1, с. 196]. Однако если в этой нравственной мозаике находятся точки соприкосновения по вопросу, что «человеческая жизнь понимается как прогресс в уменьшении моральных и физических страданий и опасностей» [1, с. 196], то общими приоритетами могут стать те, что ведут к успеху в этом предприятии. При данном ком-

промиссе нравственная мозаика может приобрести перспективу, предполагающую социальную конвергенцию, и понятие общего блага все же вернется в лоно этики, как и в лоно морального сознания человека, ищущего способ объединения целей своей индивидуальной жизни с целями сообщества. «Каждая человеческая жизнь будет тогда воплощать историю, чья форма будет зависеть от того, что считается ущербом и опасностью и как будет оцениваться и пониматься успех и неудача, прогресс и его противоположность. Ответ на эти вопросы будет также явно и неявно ответом на вопрос, что такое добродетели и что такое пороки» [1, с. 196].

Макинтайр подчеркивает роль традиции в понимании и поиске блага. Традиция характеризуется как предание, передавание определенного нарратива осмысленной жизни. В этом смысле сама рациональность может рассматриваться как традиция. «Живая традиция является исторически расширенным, социально воплощенным аргументом, и аргумент этот частично посвящен благам, которые учреждают эту традицию» [1, с. 300]. Тем самым традиция, имеющая практический резон, приобретает и моральный резон, основывающийся на достоинстве данной практики.

Характеризуя понятие общественного блага прежде всего как практику общественных обсуждений, которым придается институционализированное оформление, Макинтайр настаивает на проведении дискуссии о значении традиции как компоненте социокультурного наследия, ее возможном усовершенствовании и разработанности для будущего. Не являясь сторонником слепой лояльности по отношению к прошлому, он лишь признает, что настоящее опирается на прошлое и должно принять его во внимание для собственного самопонимания и планирования будущего. При этом Макинтайр учитывает, что традиция – это исторически длительный и пронизывающий общество спор прежде всего о благах, которые и составляют эту традицию («Традиции, будучи жизненными, воплощают непрерывности конфликта» [1, с. 300]). Однако принимая во внимание современную моду на изучение моральных проблем посредством различных опросов, Макинтайр замечает: «...никто не сможет аннулировать десять заповедей, указывая на количество убийств в Детройте, число разводов в Рено или посещаемость церкви в Пеории» [5, с. 123]. Разумеется, это можно отнести и к золотому правилу нравственности, и к ряду других исторически оформившихся моральных постулатов. Таким образом, традиции имеют тенденцию к постоянству, ибо отражают ценностные достижения человечества. Ввиду этого, попытки обоснования или усовершенствования системы морали, абстрагирующиеся от традиций, скорее всего останутся декларативными и не имеющими практических последствий.

Посредством традиций транслируются конкретные практики как устойчивые формы социальной жизни. «История практики в наше время вообще и обычно включена в большую и более длительную историю традиции и постижима только с учетом последней. Через эту историю нам была передана практика в ее нынешней форме» [1, с. 300]. Макинтайр считает, что моральные принципы, которые могли бы поддерживаться большинством, должны отталкиваться от превалирующих, социально признанных практик. Это своего рода устоявшиеся, общественно одобряемые «правила игры» по преследованию блага. Моральное осознание носит прежде всего эмпирический характер: «...мы узнаем, какого рода качествами являются правдивость или храбрость, что значит их проявление, что препятствует их возникновению, чего они избегают и т. д. только через соответствующую практику проявления добродетелей у себя и других» [1, с. 242]. Поэтому мораль может иметь смысл только в контексте практики, включающей положительно санкционированные модели поведения. Отмечая, что общественная жизнь состоит из разных игр-практик: искусство, наука, политика и т. д., Макинтайр подчеркивает соревновательность за совершенство внутри каждой из них. Поскольку

посредством практик устанавливаются образцы, стандарты поведения, это может означать, что в них встроены регулятивные механизмы стремления к совершенству, к благу.

«Под практикой я понимаю тип совместной деятельности, которая продолжается в течение определенного времени, имеет собственные внутренние ценности, в которые новички должны быть посвящены теми, кто уже владеет не только навыками, но и качествами характера, необходимыми для реализации этих ценностей. Примеры таких практик – формы производственной деятельности фермеров, рыболовецких артелей, художников, скульпторов, музыкантов, людей, занятых различными ремеслами... Навыки, требуемые различными практиками, различны. Необходимые же качества характера, добродетели, особенно главные добродетели – практический ум, или благоразумие, справедливость, умеренность, храбрость – во всех практиках оказываются почти одинаковыми... Пока практика процветает, добродетели будут передаваться и цениться на практике, если не в теории» [3, с. 93]. В своем определении практики Макинтайр акцентирует внимание на термине «внутренние блага», выделяя его как ключевой. Он основывает свое пояснение на практике игры в шахматы. Существуют два вида благ, получаемых от игры в шахматы, как и от любой иной подобной практики: внешние и внутренние. Внешние блага – престиж, деньги, статус. Внутренние – приобретаемые в процессе практики, необходимые для преуспевания качества и навыки. «Внешние блага, следовательно, обычно являются объектами конкурирующего спроса, где должны быть выигравшие и проигравшие. Внутренние блага являются результатом конкуренции за превосходство, но для них характерно то, что их достижение есть благо для всего общества, которое участвует в практике» [1, с. 259]. Тем самым хорошая игра в шахматы приносит пользу – благо всем участникам. И сообщество в целом, подражая моделям превосходного поведения в определенной практике, развивает свои навыки и таланты, совершенствует мастерство, в дальнейшем проявляя попытки превзойти достигнутое. Макинтайр считает, что если бы в современном мире больше внимания уделялось общественным практикам, а не политическим институтам, это сделало бы жизнь гуманнее и интереснее. Тогда не все было бы подчинено внешним благам, таким как деньги и власть, а поощрялось бы стремление совершенствования в рамках определенного соревнования в практике, что одновременно содействовало бы кооперации по поддержке правил и оценке того, что является внутренним благом.

В целом, Макинтайр приходит к выводу, что этика не должна является абстрактным упражнением по применению отвлеченных принципов в оценке фактов, как это было у философов-просветителей. Для Макинтайра этика – это прежде всего изучение морального действия, выявление *знания как* действовать во имя блага; основной акцент – на проблемы подобающего воспитания человека, формирование его добродетельного нрава. Поэтому Макинтайр призывает к переключению с вопроса «что я должен делать?» на «как я должен действовать в следовании добродетели?».

По убеждению философа, именно традиции и практики являются сосредоточием этого *знания как*. Поэтому первоначально само понятие добродетели Макинтайр определяет с точки зрения практики: «Добродетель есть приобретенное человеческое качество, проявление и обладание которым позволяет нам достичь тех благ, которые являются внутренними по отношению к практике и отсутствие которых эффективно препятствует достижению любых таких благ <...> мы должны принять в качестве необходимых компонент любой практики с внутренними благами и стандартами превосходства блага справедливости, храбрости и честности» [1, с. 260].

Философ считает социальную идентичность необходимым компонентом идентичности морального агента вообще, поэтому он дополнительно привносит в понятие добродетели социальный аспект: «Добродетели необходимо находят свою суть и цель не только в поддержке <...> отношений, при условии достижения разнообразных благ, внутренних по отношению к практикам, и не только в поддержании форм индивидуальной жизни, в которой этот индивид ищет свое благо в качестве блага своей собственной жизни, но также и в поддержке тех традиций, которые обеспечивают практики и индивидуальные жизни необходимым для них историческим контекстом» [1, с. 300].

Макинтайр также подчеркивает, что определение добродетельного человека не может быть сведено лишь к совершенству в конкретной практике: «Добродетели, следовательно, должны пониматься как те предрасположения, которые будут не только поддерживать практики и позволять нам достигать благ, внутренних по отношению к практикам, но которые будут также поддерживать нас в соответствующем виде поиска блага, позволяя нам преодолеть зло, опасности, искушения, и препятствия, с которыми мы сталкиваемся, это предрасположения, которые ведут нас к все большему самопознанию и познанию блага» [1, с. 296]. Перечисленные дефиниции добродетелей одновременно характеризуют необходимые качества морального субъекта.

Добродетель в индивиде является одновременно источником собственного, а в конечном счете публичного блага. В рамках аристотелевской традиции, по мнению Макинтайра, вообще бессмысленно предполагать, что могли бы существовать средства для достижения человеческого блага без проявления добродетелей. При этом, как подчеркивал сам Аристотель, добродетели даются нам не от природы, как и не вопреки природе, они приобретаются прежде всего посредством практики и воспитания. Отсюда Макинтайр вновь акцентирует внимание на правилах практик и традиций: «Предписания, которые вменяют в обязанность различные добродетели и запрещают пороки – противоположность добродетелей, говорят нам, как двигаться от потенциального к действию, как реализовать нашу истинную природу и достичь нашей истинной цели. Пренебрежение ими означает крушение надежд и состояние жизненной незавершенности, отказ от достижения тех благ рационального счастья, которые свойственны нам как виду преследовать. Присущие нам желания и эмоции должны быть упорядочены и облагорожены этическими предписаниями и культивированием тех обычаев в поступках, которые являются результатом изучения этики» [1, с. 77].

Соответственно моральное должествование в философии Макинтайра предстает как модернизация классического аристотелевского образа должествования, т. е. обязанности культивировать и практиковать добродетели. Такой порядок ведет к претворению этического идеала – преобразованию «не облагороженной» личности в «облагороженную», характеризующуюся моральным понятием: «человеческая природа, какой она должна быть в соответствии с определяющей ее целью» [1, с. 78]. Как уже было отмечено, целью выступает достижение эвдемонии. Здесь это понимается иначе, чем простая редукция к индивидуальной полезности, а именно как личное благо, одновременно представляющее общественным: «...ибо воспитание во мне добродетелей приводит к тому, что мое благо совпадает с благом людей, с которыми я связан узами человеческого общества. Никакое преследование мною своего блага не противоречит преследованию вами ваших благ, потому что это единое благо. <...> Следовательно, эгоист <...> всегда совершает фундаментальную ошибку относительно того, в чем заключается его собственное благо, и соответствующим образом исключает себя из системы человеческих отношений» [1, с. 309]. Человек вовлечен в социальную историю и

что бы он ни делал, целесообразно стремиться к определенной степени совершенства в своем деле и стиле жизни. Это способно наполнить достоинством и смыслом каждый личный нарратив, что также обогатит сообщество в целом.

Таким образом, общее благо выступает в этике добродетели конституирующим, ценностно-нормативным понятием, посредством чего определяются моральные представления и приоритеты. Это в целом характерно для воззрений коммунитаризма – философско-идеологического движения, приверженцем и вдохновителем которого является А. Макинтайр.

Коммунитаризм и его «коммунальный проект» [4, с. 39] на сегодняшний день рассматривается как одно из влиятельных и ведущих направлений западной философской мысли. Значимость его как перспективного варианта либерально-консервативно-социалистического консенсуса тем более возрастает в современном социуме, бытие которого сопровождается разнообразными кризисными явлениями. «Дух коммюнити» приложим не только к общинам, локальным объединениям, но в целом к мировому сообществу. «Коммюнити – это не место, а набор определенных качеств» [5]. Это тем более актуально в условиях формирования глобальной коммуны как всемирной коммуникационной системы. Само понятие «коммуникация» произошло от латинского *communis*, которое переводится как участие в каком-либо совместном деле. Коммуникация не просто процесс передачи информации, это акт взаимодействия людей, основанный на необходимости обратной связи, взаимопонимания.

Несмотря на широту глобальной аудитории, характеризующуюся социально-культурной неоднородностью, анонимностью и подвижностью, все ее участники по существу являются акторами мировой общественной системы. Посредством коммуникации осуществляется процесс со-творения социальной реальности, общего жизненного пространства. Соответственно для успешной коммуникации, основывающейся на взаимопонимании, уважении и сотрудничестве, необходимы базовые консенсусные ценности, общность моральных позиций, которые только и могут задать адекватное пространство межчеловеческого диалога. Прообраз глобального этоса уже сейчас складывается во многих регионах, втянутых в глобальные процессы. Однако для того, чтобы этот почин преобразовался в нравственное качество, которое может стать самостоятельной мотивирующей основой общественного поведения, одной коммуникативной целесообразности мало. Необходима еще и соответствующая духовно организующая основа деятельности.

Коммунитарная этика становится ответом на возникшую потребность в новой социальности как попытка восстановить равновесие между разнообразием и единством, совместить прогрессирующее стремление к индивидуальной и групповой автономии с устойчивостью социума в целом посредством возрождения классической идеи общего блага, ядром которой является концепт общечеловеческого братства. При этом Макинтайр и другие коммунитаристы безусловно признают факт, что индивидуальный выбор и культурное разнообразие неизбежны, как и необходимы; мы живем в эпоху мировоззренческого плюрализма в мультикультурных обществах, члены которых утверждают собственное право решать вопросы своего блага. Однако это не мешает утверждать, что при моральном усилии на пути к глобальному этосу такая мозаичность может быть переосмыслена под эгидой регулятивной и консолидирующей идеи общего блага. Это обнаруживает возможность перехода от культуры конкуренции к культуре сотрудничества, от эгоизма к сочувствию и взаимопомощи, от абсолютного произвола индивидуальной свободы к согласованности с ценностями и интересами сообщества. Это может стать также соглашением об общем векторе движения человечества и его целях.

В соответствии с концепцией коммунитаризма, общественные ценности ограничиваются лишь комплексом базовых «добродетелей» в лице историко-культурных этических феноменов. Сам компендиум коммунитарных ценностей в целом можно назвать идентичностью солидарности: это ценности семьи, любви, дружбы, это уважение, признание, справедливость, самореализация, гуманизм, экология, стабильность, безопасность и т. п. Подчеркивается, что моральные нормы могут выполнять позитивную функцию лишь только в случае, если не будут навязываться сверху или тем более внедряться насильственно. При этом коммунитаристы считают, что общество, используя свои социальные механизмы, должно выказывать предпочтение одним формам поведения перед другими. Эти признанные формы вырабатываются в ходе публичного диалога по типу совместного исследования (*cooperative enquiry*) с целью достижения морально-нравственного консенсуса по нормативным проблемам с участием авторитетных людей: философов, писателей, деятелей науки и культуры. Таким образом создается нормативная канва общества, в котором равно присутствует принцип: «общие ценности и обоюдная ответственность».

Одновременно коммунитарный идеал предстает как сообщество индивидуальностей, в котором коллектив не обезличивает, но, обеспечивая защищенность личности, создает условия для ее творческой реализации в материальном и духовном плане. В связи с этим Макинтайр отмечает, что стилистика этики добродетели хотя и предполагает подражание моделям превосходного (в моральном плане) поведения, но при этом поощряет любую попытку превзойти его, а не применять заученное универсальное правило на уровне автоматизма. Если отдельные социальные роли вступают в конфликт между собой, человек обязан проявить особую интеллектуальную доблесть как центральную добродетель – *phronesis*, которая позволяет принять решение в трудных ситуациях. «Мы проявляем свои добродетели <...> через выбор средств для достижения <...> цели <...>. Такой выбор требует размышления, а проявление добродетелей требует, стало быть, способности к суждению и к тому, чтобы делать правильные вещи в правильном месте, в правильное время и правильным образом. Проявление такой рассудительности не является результатом рутинного применения правил» [1, с. 205]. Отсюда обстоятельность, благоразумность, чуткость к живой ситуации – достоинство морального долженствования.

Таким образом, в целом оставаясь на позициях либеральной общественной мысли и разделяя классический набор гуманистических ценностей, коммунитаристы подчеркивают необходимость заботы о сообществе наравне со свободой и равенством, напоминая о социальной обусловленности индивидуальной свободы и о коммюнити в качестве среды, обеспечивающей эту свободу. Согласно коммунитарной парадигме, «хорошим» считается такое общество, где процветают как общественные добродетели, так и права личности [5].

Коммунитаристы комплексно выдвигают собственные принципы политики, экономики, образования, экологии и т. п. В контексте данной статьи видится актуальным осветить отдельные предлагаемые новации в области образования.

Образование должно стать преобразующей силой, способствующей углублению чувства человеческой солидарности и коллективной ответственности за общее будущее. Отсюда важно создать такую образовательную и воспитательную среду, которая позволит человеку свободно ориентироваться в сфере смысложизненных понятий общего блага и добродетелей. Представление об общем благе вообще должно стать нравственно цементирующей основой культурного пространства, являясь духовно-нравственным и этико-правовым базисом единства гражданского общества.

Общественным и образовательным институтам целесообразно переосмыслить концепцию воспитания в духе гражданственности, в которой уважение к многообразию гармонично сочеталось бы с признанием универсальных ценностей. При этом гражданская идентичность как идентичность солидарности предполагает уход от патернализма, нарастание самоорганизации граждан, рост гражданских инициатив. Сами институты гражданского общества среди прочих функций выполняют важную задачу возвращения гражданских добродетелей.

В целом в образовании необходим комплексный подход, основанный на прочном морально-этическом фундаменте с целью воспитания дисциплины, самодисциплины, моральных качеств, гуманности, социальной активности и эмпатии. Известно, что «либеральная повестка дня гражданского образования предлагает делать основной акцент на общих принципах и правилах гражданского взаимодействия, сохраняя в качестве своего абсолютного приоритета воспитание автономной личности, знающей свои индивидуальные права и свободы, умеющей ими пользоваться, обладающей навыками аргументированной дискуссии и протестного поведения в условиях конкурентной политики. В их теоретическом послыле, безусловно, негативное толкование свободы. Коммунитаристы же в своей образовательной доктрине сдвигают главный акцент в сторону общности целей и ценностей, солидарности и толерантности гражданского взаимодействия в местных сообществах, сохраняя для себя в качестве абсолютного приоритета морального и социально ориентированного индивида. И им, конечно же, ближе позитивные смыслы свободы» [6, с. 47]. На этом основании школам предоставляется относительная самостоятельность при отсутствии строгой регламентации со стороны государства. Школа не рассматривается как дисциплинарный институт с преобладающей практикой внушения и послушания, а учитель – не авторитарная фигура. Поскольку школы по большей части инкорпорируются в местные сообщества с высокой степенью самоуправления, соответственно в образовательные проекты активно включаются как родители, так и граждане местного комьюнити. Здесь находит развитие система взаимных добровольных обязанностей людей: родителей по отношению к детям; детей по отношению к родителям; членов общины по отношению друг к другу.

С точки зрения коммунитарной парадигмы школа должна стать пространством морального опыта, а само общество – воспитательным институтом. Это возможно при соответствующей духовно организующей основе деятельностного образования, базирующегося на положении, что познавательное развитие становится гораздо эффективнее при обретении учащимися опыта гражданской включенности. К примеру, предлагается привлечение студентов к благотворительным проектам в качестве волонтеров во внеурочное время. Также рекомендуется ввести один год национальной службы после окончания школы, которая сводила бы вместе молодых людей разного происхождения для совместной работы над общими проектами.

Этическое образование происходит как прямо, так и косвенно через «скрытый учебный план», который переживается через средства массовой информации, семьи, общины. Развитие на этом этическом фундаменте критического мышления, оценки и самооценки, способности принимать решение, брать ответственность на себя, действуя в коллективе, оказывать помощь другим являются ключом к формированию преобразующего добродетельного поведения.

Обозначая необходимость целостного подхода к просвещению, выходящего за рамки традиционного разграничения когнитивных, эмоциональных и этических аспектов, Макинтайр отмечает действенный образовательный ресурс – метод рассмотрения социальной практики добродетелей через конфликтную среду их возникновения. «Великий австралийский философ Джон Андерсон призывал нас не задавать о социальном институте вопрос, “каким целям он служит?”; скорее нужно спрашивать, “сценой какого конфликта он является” (Пас-

смор, 1962, с. XXII). Если бы Аристотель задал этот вопрос относительно полиса и индивидуального субъекта, он имел бы дополнительный ресурс для понимания телеологического характера как добродетелей, так и социальных форм, которые придают им контекст. Андерсону через Софокла мы обязаны прозрением, что через конфликт и иногда только через конфликт мы начинаем понимать наши цели» [1, с. 223].

Таким образом, коммунитаристские идеи в области образования действительно представляют интерес и заслуживают общественного внимания. Это актуально не только во имя индивидуального будущего формирующейся личности, но и в целях продвижения «хорошего общества» как в теории, так и на практике.

Подводя итог данному исследованию, можно заключить, что этика добродетели Аласдера Макинтайра безусловно привносит перспективный потенциал в развитие моральной философии и культуры. Настаивая на связи между моральностью и рациональностью, мыслитель призывает к прозрачности и понятности нравственных и социальных добродетелей. Философ убежден, что моральное сознание и долженствование произрастает в совместном опыте социальных практик и взаимодействий, прежде всего, когда эти взаимодействия приобретают форму диалога в проекте общего блага. В такой практике добродетели становятся «предрасположениями не только действовать конкретным образом, но также и чувствовать определенным образом. Действовать добродетельно – это не значит <...> действовать против склонности; именно культивирование добродетелей формирует действие от склонности» [1, с. 204]. Таким образом, само развитие добродетелей способствует актуализации морального долга, что позволяет формировать общее жизненное пространство, основанное на взаимном уважении, участии и заботе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макинтайр А. После добродетели: исследование теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
2. Аристотель. Политика // Сочинения. М.: Мысль. 1983. Т. 4. С. 9–63.
3. Интервью с А. Макинтайром // Вопр. филос. 1996. № 1. С. 91–100.
4. MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1988. 432 p.
5. Etzioni A. The Spirit of Community. Rights, responsibilities and the communitarian agenda. London: Fontana Press, 1995. 518 p.
6. Согомонов А. Ю. Гражданское образование и свобода // Общая тетрадь. 2014. № 4 (66). С. 41–53.

L. R. Askhanova

Russian State University for the Humanities

MODERNIZATION OF THE CLASSIC REPRESENTATION OF MORAL OBLIGATION IN VIRTUE ETHICS BY A. MACINTYRE

This article considers the main ideas of the leading representative of American political philosophy and ethics Alasdair MacIntyre regarding morality and obligation set out in his fundamental work 'After virtue'. In the never-ending discussion of moral problems and chaos in the value-normative sphere, MacIntyre suggests reconsidering the Aristotelean tradition of virtue with its teleological basis for morality and its central concepts of good, virtue, duty and purpose. Not being a supporter of abstract moral theorizing, MacIntyre insists on the primary connection between morality and practical rationality through moral arguments centered on the experience of social practices of the community in the search of the common good.

Morals, moral obligation, virtue, personal narrative, common good, social practice, communitarianism, global ethos, ethical education